

č. *klika* ‘šťestí’ je přejetím z něm. *Glück*, ale spojuje se s č. *klika* ‘držadlo dveří’). Při druhém typu, zvaném aradikace, se vedle zvukové podobnosti uplatňuje zároveň i sémantická souvislost (např. č. *velbloud* vychází z psl. slova, které bylo přejetím z gót *ulbandus*, ale zřejmě už velmi brzy došlo k příklonění k adj. *velký* + slovesu *bloudit*). Třetím typem lidové etymologie je tzv. adideace, proces sémantické asociace při fonetické podobnosti (např. č. adv. *často* je spojováno se subst. *čas*, ale jeho etymologický původ je jiný, vychází z psl. **čęsto* téhož významu). Posledním typem je resémantizace a jedná se o proměnu sémantické náplně periferního slova pod vlivem významu centrálnějšího homonymního kořene (např. č. *čitelný* mělo původně význam ‘smysly vnímatelný’, pochází totiž od slovesa *čítí*, *čítí*, dnešní význam vznikl pod vlivem slovesa *číst*).

Mohlo by se zdát, že se obě knihy liší v zaměření na různé aspekty etymologické práce. První evokuje spíše zkoumání formy, druhá spíše významu. Avšak není tomu tak. Autor si je dobře vědom, že etymolog musí vždy zkoumat obojí zároveň, a skutečně to v obou knihách činí. V několika příkladech rozborů konkrétních slov mu tento vyvážený přístup přinesl plody v podobě nového výkladu. Recenzentovi je dále sympatický samotný základní autorův metodologický postup. V obou knihách se nejprve deduktivně buduje teorie a teprve potom následuje konfrontace dostupného empirického materiálu s touto teorií.

Vzhledem k tomu, že v české etymologické produkci vychází obecně velmi málo monografií a čeští, řekněme spíše moravští, totiž brněnští etymologové se nejčastěji spokojují s drobnými sborníkovými či časopiseckými příspěvky, je třeba obě Rejzkovy knihy jen vítat. Autor si vybral témata zajímavá a přitažlivá, hodná pozornosti zejména pro jejich obecnou problematičnost, která je pro etymology trvalou výzvou.

Příspěvek vznikl v rámci projektu MŠMT ČR LC546.

Vít Boček

Алексеева, И. С.: Текст и перевод. Вопросы теории. Москва: Международные отношения, 2008, 184 с.

Полки русских книжных магазинов, отведенные под литературу о переводе, постоянно пестрят новыми названиями. Большая часть этих книг – многочисленные учебные пособия, пересказывающие основные положения теории перевода. Среди них затерялась тоненькая книжка в 180 страниц – монография практикующего переводчика, теоретика перевода Ирины Сергеевны Алексеевой. На неброской бежевой обложке – загадочное название «Текст и перевод».

Загадка разрешается уже на первой странице введения. Это не книга о том, какие трансформации претерпевает текст в процессе перевода. Это попытка создать единую, непротиворечивую теорию текста, ориентированного на перевод. Автор называет эту дисциплину «**транслатологией текста**» и рассматривает ее как особое научное направление внутри транслатологии, или теории перевода.

Структура монографии соответствует классическим канонам диссертации. Книга состоит из введения, заключения и шести глав, причем первые две главы – обзорные. Одна из них посвящена ракурсам теории текста, наиболее существенным

для построения транслатологии текста. Обсуждая границы понятия «текст», автор настаивает на том, что в текст может быть организована не только письменная, но и устная речь. **Широкое понимание текста** определяет характер материала исследования. Теория текста, ориентированного на перевод, основывается не только на письменных, но и на опубликованных вербальных текстах. Объем материала впечатляет: 25 тысяч стандартных страниц, и это только из личной переводческой практики автора.

Вторая обзорная глава представляет собой попытку осмыслить многообразие направлений в теории перевода. В результате возникает **модель развития теории перевода**, которая может послужить трамплином не только для переводоведов, но и для преподавателей перевода. Главное достоинство этой модели в том, что она представляет развитие теории перевода как смену не этапов, но парадигм. Эти исследовательские парадигмы, как и основные лингвистические учения, не отменяют друг друга, а скорее дополняют и перекрывают.

В рамках **статистической парадигмы** перевод понимается как отношение между двумя языками. Провозглашение тезиса «переводятся только тексты» (Э. Косериу) ознаменовало начало **динамической парадигмы** в развитии транслатологии. Перенос акцента на осмысление перевода как деятельности – отличительная черта исследований по теории перевода, вписанных в **деятельностную парадигму**.

Существенно, что модель развития теории перевода включает в себя не только отечественные, но и зарубежные подходы. Ее с полным правом можно назвать моделью развития мировой теории перевода в XIX–XXI веках. Обзор теоретических представлений о переводе автор заключает словами: «В исследовательской парадигматике созрели условия для формирования классификации текстов, ориентированной на перевод, в версии прототипологии» (с. 43).

Этой классификации посвящена третья, центральная глава работы. Характерно, что для дальнейшего изложения более продуктивными оказываются не столько транслатологические группы текстов, выделенные в ходе классификации, сколько критерии этой классификации. В качестве **критериев транслатологической типологии** автор предлагает: 1) вид информации, которую необходимо сохранить при переводе; 2) специфику источника и реципиента оригинального текста; 3) степень переводимости текста.

В следующей, четвертой главе приводится **характеристика типов текста**, наиболее часто встречающихся в переводческой практике. Стандартный набор (научный и научно-технический тексты, научно-учебный, научно-популярный, газетно-журнальный, законодательный тексты, публичная речь и художественный текст) дополнен новыми жанрово-стилистическими разновидностями, которые прежде с точки зрения перевода подробно не описывались (объявления, религиозный текст и проповедь, рецепты, траурное объявление и некролог). Показательно, что описание в этой главе опирается на выработанные параметры классификации, но при этом описываются конкретные типы текстов, а не группы, в которые они были объединены.

В пятой главе транслатологическая классификация применяется для описания **этапов переводческого анализа текста**. Далее справедливо отмечается, что аналитическая обработка текста – лишь один из аспектов деятельности переводчика, наряду с экспертной межкультурной деятельностью и соблюдением профессиональ-

ной этики. Опираясь на эти теоретические предпосылки, автор завершает пятую главу построением **комплексной дидактической модели**, нацеленной на обучение всем аспектам переводческой деятельности.

В заключительной шестой главе провозглашается, что применение теории текста в транслатологии позволяет выработать **критерии научной критики перевода**. Автор суммирует то, что уже было сделано в этом направлении. Задача последней главы – обозначить лакуны в научной критике перевода и привлечь внимание исследователей к этой дисциплине.

В своей монографии И. С. Алексеева суммирует и углубляет теоретические положения, высказанные ею в предыдущих работах. Изложенная концепция текста, ориентированного на перевод, может послужить отправной точкой для дальнейших исследований. В частности, эта теория не описывает случаи, когда коммуникативное задание переводного текста отличается от коммуникативного задания исходного текста («перевод с сопутствующей обработкой»). Эти случаи распространены в переводческой практике и, несомненно, заслуживают особого внимания.

Книга Алексеевой ориентирована не только на текст, подвергающийся переводу, но и на переводческую деятельность в целом. В этом смысле она объединяет задачи динамической и деятельностной парадигмы (если пользоваться терминами автора), благодаря чему приобретает не только теоретическую, но и практическую ценность. Модель обучения письменных и устных переводчиков уже с успехом применяется в переводческих программах вузов Санкт-Петербурга.

Монография, несомненно, будет полезна не только преподавателям перевода, но также переводчикам-русистам и студентам, изучающим русский язык.

Анна Красильникова

Русский язык в центре Европы 12. ARS 2009, 132 str., ISBN 978-80-89070-42-8

Pěčí Asociace rusistů Slovenska pod hlavní redakci E. Kollárové vyšlo ďalší číslo na Slovensku vydávaného mezinárodného rusistického časopisu, v jehož redakční radě jsou zastoupeni rusisté z Čech, Polska, Rakouska, Ruska a Slovenska. Časopis proslul svou kulturologickou orientací, prosazováním názoru, že kromě komunikativního cíle je při výuce cizích jazyků neméně důležitý cíl mravní, výchovný, vycházející z premisy, že poznání cizích kultur a jazyků vede k vnitřnímu obohacení učícího se – a tím celé společnosti. Ne náhodou je proto jako jedna z ideí udávajících tón celému číslu uvedena myšlenka Aristotelova (ponecháváme v ruském znění): «Если мы идем вперед в знании, но уступаем в нравственности, то мы идем назад, а не вперед.» Ne náhodou je jako vstupní stať uveden text nadiktovaný A. F. Losevem v květnu 1988 den před jeho smrtí a otištěný pod názvem Реальность общего, Слово о Кирилле и Мефодии, který je v dnešní době snad ještě aktuálnější než před dvaceti lety, kdy vznikl, a proto stojí za to jeho podstatnou část připomenout: «Меня, как и всех, всегда учили: факты, факты, факты; самое главное – факты. От фактов – ни на шаг. Но жизнь меня научила другому. Я слишком часто убеждался, что все так называемые факты всегда случайны, неожиданны, текучи и ненадежны, часто непонятны, и иной раз даже и